

ЛЮБОВЬ ДЕТОЧКИНА

ДОВЕРЯЙ  
СВОЕМУ  
НОСУ



КНИГА АРОМАТОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ОДНОГО НОСА В МИРЕ ПАРФЮМЕРИИ

**Любовь Деточкина**  
**Книга ароматов.**  
**Доверяй своему носу**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=30083584](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30083584)  
ISBN 9785449051479*

**Аннотация**

Ароматы – не просто пахучие молекулы вокруг вас, они живые и могут поведать истории, главное внимательно слушать. А я еще быстро записывала, и получилась эта книга. В ней истории, рассказанные для моего носа. Скорее всего, они не будут похожи на истории, звучащие для вас, у вас будут свои, потому что у вас другой нос, другое сердце и другая душа. Но ароматы старались, и я очень хочу поделиться с вами этими историями.

# Содержание

Pineider Classica di Magnolia	5
1889 Moulin Rouge Histoires de Parfums	9
Carner Barcelona Cuir	13
Carner Barcelona Palo Santo	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

# Книга ароматов. Доверяй своему носу

## Любовь Деточкина

*Корректор* Евгения Царик

*Дизайнер обложки* Любовь Деточкина

© Любовь Деточкина, 2018

© Любовь Деточкина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5147-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным изложением личного ольфакторного опыта при знакомстве с ароматами. Автор не является представителем парфюмерного бренда или торговой сети и не несет ответственности за качество и параметры товаров. Данная книга не является рекламным проспектом, не призывает к покупке.

# Pineider Classica di Magnolia



Элизабет тихо подошла к приоткрытой двери. Робко заглянула и улыбнулась. Виктор рисовал ее. Та ярко желтая пудра, пришедшая сегодня по почте, была каким-то элементом краски для ее поблескивающих в лучах солнца волос. Радость колкими лучиками расцвела внутри. Она еще разок заглянула в комнату, поймала доносящийся аромат красок и поспешила скрыться, чтобы не мешать. Чуть подпрыгивая Элизабет, забежала в библиотеку, плюхнулась в свое любимое кресло и нежно погладила корешки старых книг. Она перечитала их еще в детстве, когда дед, вернувшись из путешествия, вместо ожидаемых дорогих украшений и редких диковин приволок целый сундук книг. Одна книга была любимой, они читали ее вместе с Виктором, перечитывая уже наверно в сотый раз. Сейчас она лежала рядом с креслом, открытая на странице, где Халима встречает Ингмара в первый раз. Книга пару раз пыталась потерять несколько страниц, но Виктор сходил в букинистический магазин и там посоветовали использовать специальный клей, которым теперь она и пахла. Элизабет закрыла глаза и процитировала по памяти целые абзац, потом услышала, как Виктор вышел из мастерской. Она поспешила на звук и увидела, что он одел кожаную куртку, взял шлем и ищет вечно теряющиеся ключи от байка. Ей стало чуточку грустно. Почему он никогда не брал ее с собой кататься? Всегда сам уезжал неизвестно куда и возвращался не раньше полуночи. Она постояла рядом в прихожей,

провожая, потом уткнулась ему в грудь, растворяясь в ароматах краски, кожи, вдохновения и чего-то вечного, необъяснимого и неопишуемого, у этого не было названия, но был запах – запах Мастера.

За окном взревел байк. Элизабет прильнула к окну и проводила взглядом уносящегося любимого. Потом погладила пушистый листик фиалки. Опять он забыл их полить, а ведь обещал, что фиалку-то он потянет из живых существ. Элизабет вспомнила, как однажды Виктор заканчивал картину и несколько дней подряд забывал поесть, пока не упал в обморок прямо в мастерской. Хорошо, что фиалка попала живучая, даже почти все время цвела огромными темно-синими цветами. Элизабет еще немного побродила по мастерской, а потом, завернувшись в полосатый плед, задремала на маленьком диванчике, на котором обычно спал Виктор в те дни, когда дойти до спальни не было ни желания, ни сил. Ее разбудили голоса. Виктор стоял в мастерской и, сняв с картины накидку, говорил грузному рыжему парню:

– Видишь, я никак не могу поймать ее взгляд, она словно смотрит на кого-то в углу комнаты вместо фотографа, – он указывал не на картину, а на маленькую черно белую выцветшую старинную фотокарточку, прикрепленную к краю холста.

«Ни на кого я не смотрю, просто замечталась», – подумала Элизабет, потягиваясь.

– А другие фотографии у тебя есть? – спросил рыжий

ГОСТЬ.

– Другие есть, целый альбом, квартиру вообще продавали со всеми вещами прошлых хозяев, но она только на этой, – Виктор бережно погладил край фото, на котором каллиграфическим почерком было выведено – Элизабет.

Ноты аромата: художественная краска, ткань, древесная стружка, старая бумага, книжный клей для корешков книг, мягкая кожа, лист фиалки, лист магнолии, старое дерево, настоящее искусство.

# 1889 Moulin Rouge Histoires de Parfums



Он сидел в полупустой комнате. Грязно-серые цементные стены скрадывали и без того маленькое пространство. Пахло папье-маше, пылью и грубой ветошью. Он немного поерзал на скрипучем, практически развалившемся стуле, потом вынул из старого кожаного портфеля изрядно помятую и чуть пожелтевшую стопку бумаги, положил на стол и разгладил края. Достав из кармана ручку, он грациозным жестом занес ее над верхним листом и замер. Посидев в этой позе пару минут, он начал постукивать себя по носу кончиком

ручки. Еще через несколько минут он развернулся, закинул ногу на ногу, чем выдавил из стула жалобный, надрывный скрип. Окончательно впадая в задумчивость, он стал грызть колпачок ручки. Колпачок пах пластиком и уже скоро превратился в изрядно пожеванный загнутый хвост. Он встал, бросив ручку на стопку бумаг. Подошел к маленькому буфету в углу комнаты и щелкнул кнопкой чайника. Покопался на полке, достал пустую пачку от чая. Заглянул в нее два раза и оба раза она осталась пустой. Он вернулся к поискам и извлек из шкафа лекарственный сбор трав. Нюхнул, скривился, кинул один пакетик в чашку и залил кипятком. Принюхался и удовлетворенно кивнул сам себе. Вернулся к столу, но не стал садиться. Он медленно пил травяной отвар, наблюдая, как кружится вокруг свисающей с потолка лампочки ночная бабочка. Допив, он убрал бумагу обратно в портфель, переделся в пижаму и лег спать, расстелив на полу извлеченный из нижнего ящика буфета матрас. Лампа погасла, и воцарилась полная темнота, в которой, прорезая воздух, оживали робкие, а дальше нарастающие аплодисменты.

Зажегся свет. Некоторые зрители поспешили к сцене с цветами. Актер вышел на прощальный поклон, а после поздравлений ушел за кулисы.

– Вовочка, ты как всегда божественно великолепен! – постучала его по плечу черезчур напудренная пожилая дама в необъятном бесформенном красном нечто.

– Спасибо Виолетта Эммануиловна, – поблагодарил актер

и, грациозно поклонившись, поцеловал ее руку.

Он зашел в свою примерку снял серо-коричневую искусственно потертую пижаму. Вытер с лица грим, делающий его уставшим и печальным. Улыбнулся своему отражению и, одевшись, поспешил из театра. На входе красовалась афиша спектакля «Никто». Он не без гордости посмотрел на свою фамилию и отправился в кальянную. После пары спокойных, полных сладкого дыма и умиротворения часов он добрался домой. Привычно преодолел несколько лестничных пролетов в темноте, потому что лампочка в подъезде не приживалась. На ощупь вставил ключ, щелкнул замком и с каким-то нескрываемым блаженством закрыл за собой дверь. Включил свет, прошел, не разуваясь, в единственную комнату, пару минут постоял у окна, смотря в свое отражение, а потом, скинув туфли, лег на скрипнувший диван и почти мгновенно уснул. Серые, не оштукатуренные стены молча взирали на своего хозяина. Ночной мотылек бился об свисающую с потолка лампу.

Бородач удобнее укутался в бархатный халат, перелистнул назад страницу, озаглавил написанное «Никто» и закрыл пурпурный кожаный блокнот. Оглядевшись, обнаружил на краю письменного стола его любимый чай с розовым вареньем и пиалу с мороженым, присыпанным шоколадной стружкой. За дверью кабинета скрипнул пол. Бородач улыбнулся. Вечером он снова планировал немного побурчать на жену, чтобы та не заходила в кабинет, пока он ра-

ботает, но ясно понимал, что это не возымеет никакого действия. Когда как починка поскрипывающего куска паркета вещь безотлагательная.

Ноты аромата: горькие травы, полынь, каменная пыль, пластик, клей, бумага, ветошь, влажная пудра, лакированное старое дерево, кальян, травяной дым, сладкий час с лепестками роз, шоколад, карамель, нуга, ликер, ванильное мороженое, фрукт с кислинкой.

# Carner Barcelona Cuirs



Лион достал из одного из карманов кожаных рабочих штанов анализатор заряда. Подключил его к турбинам и удовлетворенно хмыкнул. Потом постучал пальцем по экрану маршрутизатора, маршрутизатор сбоил. Сбоил уже полгода. Лион летал на свой страх и риск оказаться неизвестно где. Одно успокаивало, что летал он на грузовом аэростате, из чего следовало, что пострадать за его халатность, может только он сам. Лион вновь пообещал себе купить новый маршрутизатор, как только получит расчет за доставку груза, который уже лежал в тех отсеках.

Лион задрал входной люк. Сел в кресло пилота и обра-

тил внимание, что его жилет испачкан в мазуте. «Где оно все время берется», – думал он, – «ведь ничего не течет». Набрав маршрут межпространственного прыжка, Лион надавил на рычаг старта. Дирижабль завибрировал, поднялся в воздух и пошел на разгон. Лион откинулся в кресле и приготовился к прыжку, отсчитывая в уме от десяти до нуля. На единице раздался резкий щелчок, а потом наступил переход. Для многих людей он длится не меньше получаса по субъективным ощущениям. Они, словно замерев, смотрят в постоянно меняющееся черное месиво. Для Лиона это всегда была лишь вспышка ярко-черного света, хотя каким образом свет может быть черным, он не понимал, но другого описания придумать не мог.

Вместо пространственного аэродрома перед взором Лиона предстал густой лес. Аэростат пошел на автоматическое снижение, и пока Лион, замерев, всматривался в необычную картину, времени на ручное торможение не осталось. Дирижабль на полной скорости вошел в заросли высоких сосен. Лиона ударило лицом о приборную панель, в голове все закружилось, и опустилась темнота. Запах металла, протекающей приборной смазки и еловых ветвей – первое что почувствовал пришедший в себя Лион. Огромная ветка дерева разбила смотровое стекло и немного повредила панель управления. Лион потыкал пальцем в панель маршрутизатора. Она не отвечала. Ну вот это и случилось, нельзя вечно летать с неисправными приборами. Лион выбрался из каби-

ны, осмотрел дирижабль, и удивился, насколько хорошо тот пережил аварийное приземление. Вокруг простирался сосновый лес. Ярко оранжевые стволы устремляли свои зеленые колючие шапки высоко в небо. Пахло хвоей и подтекающим из турбины мазутом. Лион посмотрел по сторонам и, выбрав одну, пошел вперед. Вряд ли маршрутизатор ошибся больше, чем на десять километров. Спустя два часа Лион начал сомневаться в правильности выбранного направления. Он устало прислонился к стволу дерева и закрыл глаза. По сути ничего страшного не случилось, груз цел, он рано или поздно добредет до аэродрома и все разрешится. Лион пошел дальше, отдирая от кожаной перчатки налипшую смолу. В этот момент он ударился о некое препятствие. Пошатнувшись, больше от неожиданности, чем от удара, Лион остановился. Протянул руку вперед и нащупал гладкую невидимую стену. Что за черт? Лион обоими руками ощупал преграду. Она проходила от земли и уходила куда-то высоко вверх. За ней был такой же лес, по которому только что шел Лион. Ощупывая прозрачную стену, Лион пошел вдоль нее. Через час пути он сильно устал и сел на землю. Он уже понял, где оказался, но просто не хотел в это верить. Дубль-пространственное искажение. Отброс, образованный межпространственным переходом. Когда Эдуард Дрот создал пространственный шиватель, человечество открыло бескрайнюю Вселенную, по которой можно путешествовать, лишь снабдив аэростат несколькими приборами.

И тогда никто не задумывался, как это происходит. Сам Эдурд Дрот, уже в старости, после многочисленных исследований опубликовал теорию «выброшенной реальности». Суть сводилась к тому, что когда сшиватель протыкал «дыру» в конечном пространстве перехода, он вырезал кусок пространственной материи. Но эта материя никуда не исчезала, а зависала, образуя новое недопространство, обрывочное, болтающееся непонятно где. Теория «выброшенной реальности» не нашла подтверждения, и о ней быстро забыли. Просто потому, что никто не возвращался из этих выкроенных обрезков материи, кружилась мысль в голове Лиона, когда-то с увлечением читавшем работы Дрота. Немного поблуждав, он вернулся к ночи к дирижаблю. Безумно хотелось пить, но из доступных жидкостей был лишь мазут. Сидя в полусне, Лион мечтал о воде. В левом ботинке похолодало, потом ощутимо намокло. Лион открыл глаза и увидел маленький ручеек, на котором лежала его нога. Он рухнул лицом в землю и стал пить. Напившись, он весело подумал, что теперь бы волшебному джину неплохо бы предложить хороший ужин путнику. Например, круто прожаренный стейк. Мысль его была настолько чистой и веселой, что когда глаза нашли на траве жаренный стейк, Лион сначала громко расхохотался и только потом, осторожно потыкав его пальцем, съел. Ему не хотелось анализировать происходящее, и он просто уснул, забравшись в кабину.

Утром, сопоставив вчерашнее, Лион испугался так силь-

но, что пытался запретить себе думать. Это привело к появлению в кабине нескольких коробок его любимых носков и десятков кружек с терпким алкогелем, который пили во всех аэропортах особо brave пилоты. Лион выпил одну кружку геля, чтобы унять нервный мандраж, гель отвратительно пах топливом, слитым с отработанных турбин. Надо отсюда убираться, пронеслась здравая за все утро мысль. Лион разобрал маршрутизатор и обнаружил, что трехволновой модулятор пространства сгорел от перегрева. Лион сел в кресло пилота и стал усиленно думать о модуляторе, представлял, как он выглядит, вспоминал принцип его работы. Ничего не появлялось. Лион несколько раз вслух сказал «трехволновой модулятор пространства». Безрезультатно. Лион вышел из кабины и долго кричал в лесу эти желанные три слова. Потом он поел, обзавелся удобным диваном, любимой книгой, еще несколько раз попробовал «призвать» модулятор и лег спать.

Неделя принесла с собой много новых открытий. Лион понял, что призыву поддается все, кроме вещей, способных починить приборы пространственного перехода. Словно материя этого мира отказывалась впускать эту идею, благодаря которой появилась, в свое пространство. Еще пару недель Лион просто сидел рядом с дирижаблем и смотрел в глубину леса, прося лишь немного еды и воды.

Потом пришло Утро. Лион вышел из кабины и побрел вперед, не имея никакой цели, намерений и мыслей. Через

несколько часов он понял, что невидимая стена, окружающая вырванный кусок материи, осталась далеко позади, он преодолел ее, не заметив. Эта мысль пробудила в нем восторг, и, несмотря на усталость, он побежал. Сумерки нарастали, а Лион уже выбежал из леса, но продолжал бежать. Взгляд стал выхватывать вдали огни похожие на костры. Собрав последние силы, Лион добежал до них и обнаружил небольшое поселение людей. Он упал на землю и начал что-то повторять в бреду.

Лион проснулся. Выбравшись из спального кокона, парившего в воздухе, он призвал завтрак. Хрустя фруктовой гренокй, он вспоминал свой сон. Ну и бредятина же приснится порой! Лион спустился из жилой башни, сел в транспортный шар и полетел на техническое совещание. Пролетая мимо огромной статуи дирижабля, символизирующего волшебную колесницу бога Лиона, даровавшего всем чудо сотворяющего призыва, Лион машинально произнес древние слова молитвы, смысл которых был утрачен много тысячелетий назад: «трехволновой модулятор пространства».

Ноты: полевые цветы, мазут, кожа, пыль, металл, хвоя, хвойная смола, древесина, кора.

# Carner Barcelona Palo Santo



- Что-то мне дурно, Сережа.
- Соберись, нам нужен этот контракт!

– Я щас сдохну, может, продолжим, когда кондиционер починят?

– Заткнись и улыбайся!

Они сидели в конференц-зале три часа, из которых уже два – без кондиционера. Когда кондер сломался, организаторы предложили перенести встречу, но Сергей заподозрил, что сделка может сорваться и, лихо открыв окно, сказал, что продолжим так. Окно он потом быстро закрыл, когда понял свою ошибку, но к тому моменту все в комнате покрылось песком.

Я стряхнула бумаги и, оскалив зубы, принялась просматривать условия сделки. Но запах сидящего рядом Алима вызывал головную боль и периодически накатывающие волны тошноты. Алим был олицетворением всего, что я не любила в восточных мужчинах: узкая бородка, снисходительно-покровительственный взгляд и дурманящий запах кальяна, словно он курит его прямо сейчас.

Жара становилась невыносимой. Я попросила принести еще воды. Однако Алим жестом отпустил обслуживающий персонал и сказал что-то плохо переводимое, из которого я поняла, что он приготовит семейный напиток.

Через пять минут он принес мне маленькую чашечку с коричневым содержимым, которое я приняла за кофе, но, поднеся ближе поняла, что ошиблась. Пахло гадко, растворимым шоколадом с вишневым ароматизатором. Я хотела поставить чашку, но поймала ожидающий взгляд Алима. «Чтоб

вас всех, с вашим контрактом, жарой и смрадом!»», – думала я, залпом опрокидывая в себя содержимое чашки. Мысль эта была яркой, красочной и последней, потом, словно выключили тумблер.

– Вставай! Пора просыпаться, – говорил кто-то, тряся меня за плечо.

Я открыла глаза, вокруг было темно, слабый свет пробивался сквозь маленькое окно в каменной стене. Я сфокусировала взгляд на разбудившем. Это была старая низенькая женщина в чадре.

– Где я?

– Дома. Это теперь твой дом. Алим – твой муж. Ты будешь шить, – сказала она и рукой указала на свернутые тюки ткани.

– Я юрист, я из другой страны, меня похитили, – в ужасе начала рассказывать я.

– Алим тебя купил у, – она помолчала и добавила, – Се-реж.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.